

Оригинальная статья / Original article

УДК 81

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-63-72>

Система именований персонажей в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика»

И. В. Кочергина¹ ✉, И. С. Климас², И. А. Михайлов¹

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Курский государственный университет
ул. Радищева, д. 33, г. Курск 305000, Российская Федерация

✉ e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Резюме

В статье рассматривается вопрос о системе именований персонажей в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика». В работе уделяется внимание языку художественной прозы писателя как источнику для подробного лингвистического анализа. Новизна исследования видится в том, что в статье впервые дается систематический анализ именований героев в повести и проводится сопоставление с идеологической основой произведения. Актуальность исследования связана с необходимостью подробного изучения языка художественной прозы А.П. Гайдара, а анализ системы именований персонажей является одним из его аспектов. В статье рассматривается понятие синонимии имен собственных, говорится об ее условности. Для анализа было взято понятие антроподублетности, которое позволяет относить и имена нарицательные в систему именований персонажей повести. В статье доказано, что принципы именований показательны. Доказывается, что произведение строится на контрасте «свой – чужой», именно с этим делением связан принцип наделения героев именами. В статье авторы дают специальные формулы именований, демонстрирующие типичные модели именований персонажей повести. Авторы указывают на динамику номинации, которая зависит от восприятия человека. Многие имена в процессе развития сюжета заменяются на экспрессивные и непринужденные. Авторы останавливаются на особенностях детской речи, которые также играют особую роль в номинации героев и показывают неповторимость восприятия детьми окружающих их людей. В статье также рассматриваются безымянные герои и объясняется отсутствие их номинаций. Доказано, что такие герои являются воплощением какой-то определенной идеологии, которой писатель уделяет особое внимание.

Ключевые слова: ономастикон; имя собственное; система именований; конкретизатор; аппеллятив; аппеллятивные конструкции; псевдоименования; антроподублеты.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Кочергина И. В., Климас И. С., Михайлов И. А. Система именований персонажей в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. Т. 13, № 2. С. 63-72. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-63-72>.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023 Статья подписана в печать 21.03.2023

Статья опубликована 05.09.2023

© Кочергина И. В., Климас И. С., Михайлов И. А., 2023

The System of Naming Characters in the Story of A.P. Gaidar “The Fate of the Drummer”

Irina V. Kochergina¹ ✉, Irina S. Klimas², Igor A. Mikhailov¹

¹Southwest State University

50 Let Oktyabrya Str., 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Kursk State University

33, Radishcheva Str., Kursk 305000, Russian Federation

✉ e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Abstract

The article deals with the issue of the naming system of characters in the story of A.P. Gaidar "The Fate of the drummer". The paper pays attention to the language of the writer's fiction as a source for detailed linguistic analysis. The novelty of the research is seen in the fact that the article for the first time gives a systematic analysis of the names of the characters in the story and compares it with the ideological basis of the work. The relevance of the research is connected with the need for a detailed study of the language of A.P. Gaidar's fiction, and the analysis of the system of naming characters is one of its aspects. The article discusses the concept of synonymy of proper names, talks about its conditionality. For the analysis, the concept of anthropodubility was taken, which allows us to include common names in the naming system of the characters of the story. The article proves that the naming principles are indicative. It is proved that the work is based on the contrast of "friend and foe", it is with this division that the principle of giving heroes names is connected. In the article, the authors give special naming formulas that demonstrate typical naming patterns of the character of the story. The authors point to the dynamics of the nomination, which depends on the perception of a person. Many names in the process of plot development are replaced by expressive and relaxed ones. The authors dwell on the features of children's speech, which also play a special role in the nomination of heroes and show the uniqueness of children's perception of the people around them. The article also discusses nameless heroes and explains the absence of their nominations. It is proved that such heroes are the embodiment of a certain ideology, to which the writer pays special attention.

Keywords: onomasticon; proper name; naming system; specifier; appellative; appellative constructions; pseudonyms; anthropodublets.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Kochergina I. V., Klimas I. S., Mikhailov I. A. The System of Naming Characters in the Story of A.P. Gaidar "The Fate of the Drummer". *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2023, 13(2): 63–72 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-2-63-72>.

Received 12.02.2023

Accepted 21.03.2023

Published 05.09.2023

Введение

Язык художественной прозы А. П. Гайдара – явление столь же яркое, интересное и своеобразное, как и личность самого писателя. В советские годы он был кумиром молодежи, одним из самых любимых и читаемых авторов, на его произведениях воспитывалось подрастающее поколение, повести и рассказы Гайдара были включены в школьную программу, ши-

роко изучались. Аркадий Гайдар в максимальной степени имел право называться «официальным классиком советской детской литературы». Однако в постсоветскую эпоху произошел резкий поворот от сформированного советской критикой стереотипного образа-иконы замечательного детского писателя, патриота до обличения «безжалостного карателя», не ценящего человеческие жизни не

только врагов советской власти, но и простых людей, далеких от политической борьбы. Аркадий Гайдар, по меткому выражению Б.Н. Камова, стал «мишенью для газетных киллеров» [1].

А.П. Гайдар – талантливый художник слова, объединивший в своих произведениях чистый мир детства и непростые военные события.

«Говорить об этом писателе легко», он человек-легенда, о нем очень часто говорят как об эпохальной фигуре, потому что его жизнь во многом была определена именно эпохой [2, с. 10].

В настоящее время интерес к личности писателя справедливо растет, ведется активное изучение особенностей языка художественных произведений Гайдара.

Однако к началу XXI в. интерес к творчеству забытого писателя, ставшего жертвой политических амбиций в новой России, начал закономерно возрождаться. Начало этого процесса образно обозначили И. Арзамасцева в публикации «О Гайдаре, оставленном позади» [3] и А. Панфилов «Какого цвета осколки “Голубой чашки”: Мы совсем забыли, как и о чём писал Гайдар» [4]. Обращение к гайдаровским произведениям особенно активизировалось в юбилейные годы, начали проводиться научные конференции, появились статьи и монографии, посвященные поэтике и стилистике его текстов, а также немногочисленные исследования отдельных вопросов лингвистики [5; 6; 7; 8, 9 и т.д.]. Безусловно, имя и личность А.П. Гайдара является частью истории и культуры России, можно с уверенностью сказать, что его произведения возвращаются в жизнь и приобретают актуальность.

Каменецкая С.Б. отмечала, что «тайна произведений писателя – подтекст, достаточно серьезный для детской повести» [10, с. 16].

О.Н. Трубачев писал: «...Имя собственное – визитная карточка, с нее приличествует начинать знакомство со страной, ее регионами, городами, селениями

и, главное, с населяющими и населявшими ее людьми» [11].

Следует сказать о том, что онимы занимают особое место не только в языковой системе, но и в художественных произведениях. В единой эстетически организованной системе художественного текста, как отмечают исследователи, так или иначе имена собственные получают семантические преобразования: употребительные онимы, перенесенные на новые объекты (художественные образы); перенесение известных литературных имен из ранее опубликованных произведений на новые художественные образы; имена и названия «полуреальные», то есть построенные по типовой языковой модели с некоторым фонетическим изменением реальной исторической формы имени и фамилии; созданные по определенным моделям имена, фамилии и прозвища с семантически обнаженной «говорящей» формой [11]. Ономастический компонент способен актуализировать некий культурно значимый текст [13, с. 30].

Имена в художественных произведениях, по мнению А.В. Суперанской, занимают промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что денотаты их конструируются на основе опыта писателя, но не обязательно существуют в действительности, они создаются по моделям имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности к определенному ономастическому полю [11, с. 28–30].

Основными методами исследования в данной статье являются описательный, сопоставительный и метод контекстного анализа, что позволяет описать именования различных персонажей и сопоставить их друг с другом.

Результаты и обсуждение

Ономастикон произведений писателя представлен разнообразными именованиями: индивидуальными антропони-

мами, называющими взрослых героев (Данила Егорович, Гориков, Барышев, Онуфриха и проч.), номинации детей (Тимур, Фигура, Жиган, Павлик Фомин и проч.), зоонимами (Смелый, Шмель, Пегашка) и большим числом топонимов в их разнообразии (Москва, Бессарабия, *Песочный переулочек и др.*). Они занимают важное место в языке произведений Гайдара, многие из них имеют биографическую основу [15, с. 11].

В данной статье мы рассмотрим систему именований персонажей в повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика». Однако отметим, что в эту систему мы будем включать не только непосредственно онимические единицы, но и их синонимы, выраженные именами нарицательными.

Среди ученых-лингвистов нет единого мнения о явлении синонимии в системе имен собственных. Например, Л.П. Калакуцкая отмечает, что ономастика не входит «в синонимические и некоторые другие отношения, свойственные апеллятивной лексике» [11, с. 29].

В противоположность синонимии имен нарицательных «синонимия» (если ее можно так назвать) собственных имен – это принципиально иное явление, не опирающееся на связь с понятием и базирующееся лишь на тождественности объектов, которые служат своеобразными центрами, вокруг которых концентрируются имена. Подобная синонимия условна [17, с. 298].

На наш взгляд, наиболее удачным является предложенное А.Н. Антышевым обозначение данного явления термином *антроподублетность*, который является следствием социально, хронологически и коммуникативно-функционально обусловленной необходимости именовать один и тот же объект в различных условиях общения по-разному, что детерминировано средой, эпохой, обстановкой, характером людей, вступающих в коммуникацию [11, с. 28].

Опираясь на мнение Антышева, в систему именования персонажей «Судьбы барабанщика» будем относить и имена нарицательные, дающие характеристику персонажа или называющие его.

Эта повесть является одним из самых значительных, «программных» произведений писателя. Она сыграла важную роль и в судьбе самого Гайдара: за её публикацию то боролись различные издания и издательства, то прекращали печатать и уничтожали тираж. «Проклятая “Судьба барабанщика” крепко по мне ударила», – запись в дневниках 1939 года [19: т. 4, с. 537]. А.П. Гайдар отмечал в автобиографии: «Эта книга не о войне, но о делах суровых и опасных – не меньше, чем сама война» [11, с. 25]. По мнению Каменецкой, главная мысль повести спрятана достаточно далеко, но она проявляется фразами о пленных китайцах, «которым японцы рубят головы кривыми мечами», в нем и по-новому звучит слово барабанщик. Это тот, кто первым берет удар на себя, «бьет тревогу и выпрямляется» [20, с. 17].

Именования положительных персонажей («своих»)

Действие повести разворачивается в середине 1930-х гг. Главный герой произведения – мальчик Сережа. Главный герой – пионер, юный барабанщик. Основной сюжета является повествование о сложных, порою трагических событиях в жизни юного героя, оставшегося без родителей, о взрослении его души. Характер Сергея Щербачова, его идеалы формируются во взаимодействии с окружающими, в разных обстоятельствах [11].

Система и принципы именования в «Судьбе барабанщика» очень показательны [11, с. 25–26]. Поскольку повесть посвящена описанию непростого времени в развитии страны, когда закладывались основы нового мировоззрения и была острая борьба с враждебной идеологией, произведение строится на контрасте, противопоставлении сфер «своего» и «чужого», как в устном народном твор-

честве. С этим делением соотносится именование персонажей. «Свои» – это простые достойные люди в жизни главного героя (и его отца), честно выполняющие дело, как взрослые, так и юные, отношения которых отличаются чистотой и серьезностью.

Как правило, писатель, впервые представляя героя, использует конкретизаторы, однако сказовая манера повествования от лица «барабанщика» Сергея вносит в характеристику разговорный оттенок и личностные нотки. Нередко формула включает, помимо апеллятива (*дворник, возжатый* и т.п.), еще и определения – местоимения и прилагательные, указывающие на принадлежность к «своему» кругу: *старый* (= ‘давний’) отцовский товарищ *Платон Половцев, наш дворник дядя Николай, возжатый нашего отряда Павел Барышев*. Таким образом, наиболее типичной для первого именования персонажа в повести Гайдара является модель, которую можно условно обозначить *anN*.

Безусловно, в создании фонда номинаций в произведении нашли отражение и особенности детской речи: оценочная суффиксация (*дочка Нина, Славка, Юрка* и проч.), употребление терминов родства (*дедушка, тетя*) при именовании взрослых.

Персонажи «своего» круга могут называть друг друга одинаково, подчеркивая близость и теплоту. Так, Сергей использует субстантиват *глупая* по отношению к подруге Нине Половцевой во время салюта, который навел ей мысли о войне и обстреле («*Что ты бормочешь, глупая!*...»). А Нина называет своего товарища *глупым* в совершенно романтической обстановке, когда они отпускают в небо воздушные шары и представляют себя ими, летящими в небе («*Правей лети, глупый, правей!*»). Эти слова, изначально имеющие отрицательную коннотацию с точки зрения характеристики человека, в данной ситуации, напротив, по-

казывают трепетное и нежное отношение героев друг к другу.

Еще одной особенностью номинации «своих» является ее динамика, демонстрирующая изменения в восприятии человека. Например, нейтральное имя *Слава* в процессе общения, лучше узнав и полюбив нового друга, Сергей заменяет на более экспрессивное и непринужденное *Славка*.

Именования отрицательных персонажей («чужих»)

Подобной динамики не наблюдается при обозначении отрицательных персонажей, лиц «чужого» круга: они изображены более схематично, как бы однозначно воспринимаемыми, статичными, застывшими в своем образе. Так, для обозначения Сережиного ровесника, «прохвоста и выжиги», используется двучленное, не как для близкого человека, включающее фамилию именование с оттенком пренебрежения – *Юрка Ковякин*. Аналогичным образом назван и взрослый персонаж, *Витька Чесноков*, вовлеченный в историю с обманом и мошенничеством по отношению к главному герою.

Интересной деталью в системе именования является то, что лица сферы «чужого» получают как бы псевдо-имена, имена-маски, поскольку их главное качество – лживость, стремление скрыть, исказить истинную суть вещей.

Например, появившийся в жизни главного героя вместе со лже-дядей «старик Яков» представлен множеством псевдоименований: при знакомстве с доверчивым мальчиком и в дальнейшем в разных ситуациях общения «дядя» называет своего поделщика *другом, могучим дубом* («...пошумишь, дуб...»), *идеалистом и романтиком, ученым, старым партизаном-чапаевцем, политкаторжанином, орлом, кориуном, вечно юным стариком-мечтателем*. Когда Сергей присматривается к этому человеку, у него складывается совершенно иное представление о нем. Здесь Гайдар умело использует прием противопоставления, что заставляет

читателя неоднозначно отнести к новому герою:

У него была квадратная плешивая голова, на макушке лежал толстый, вероятно полученный в боях шрам. Лицо его было покорябано оспой, а опущенные кончики толстых губ делали лицо его унылым и даже плаксивым («Судьба барабанщика», т. 2, с. 327).

Мы видим, что портрет персонажа абсолютно не соответствует данным номинациям. «Старик Яков» оказывается жестоким и безжалостным убийцей, а не заслуженным ветераном: в повести неоднократно подчеркиваются его сходство со зверем, крепкие мышцы. У него чужие награды и чужие имена, он не-старик, не-герой, не-чапаевец и т.д. Поэтому подросток, осознавая лживость героя, начинает добавлять к его стабильному именованию негативно характеризующие определения:

А может быть, все, что случилось в вагоне, это задумано злым и хитрым стариком Яковом («Судьба барабанщика», т. 2, с. 354).

Так же двуличен и Юрка Ковякин с не принадлежащим ему значком ворошиловского стрелка, и его знакомые «юноши» (обозначение в тексте дается в кавычках, в противоположность настоящему *цуноше* Сергею). Представляя Сереже своих приятелей, Юрка называет их самые обычные имена, скорее всего, не настоящие: *Женя, Петя и Володя* – и дает им вымышленные характеристики: *«Огонь-ребята и все, как на подбор, отличники»*. Однако главный герой интуитивно чувствует лживость сущности этих людей, которых для себя определил как *«три задумчивых молодца»* в разговорном пренебрежительном значении ‘пособник, приспешник или участник каких-л. реакционных, вражеских и т.п. групп, организаций’ [МАС, т. 2, с. 291]. Неслучайно во внутреннем монологе Сергея данные Юркой определения автор приводит в кавычках, как ложные, не соответствующие действительности:

«Огонь-ребята» и «отличники» – Женя, Петя и Володя, – как по команде, повернулись в мою сторону, внимательно оглядели меня, и, кажется, я им чем-то не понравился <...>

«Огонь-ребята» молча поклонились мне, а я чуть покраснел... («Судьба барабанщика», т. 2, с. 304)

... «огонь-ребята» улыбнулись, переглянулись... («Судьба барабанщика», т. 2, с. 307).

Следовательно, персонажи «чужого», враждебного мира получают в произведении А. Гайдара неистинные, лживые, псевдо-именования из уст представителей того же самого мира. Если нарицательное имя объединяется для их характеристики с собственным, то не для того чтобы дополнить, уточнить информацию о каком-то лице, а, наоборот, затемнить, исказить ее, дать ложные сведения. Формулу именовании типа *старик Яков* мы можем изобразить как *«n(a)N* или *не-n(a)N*.

С этой точки зрения, интересно рассмотреть обозначения в повести такого персонажа, как Валентина, мачеха Сережи. Ее образ занимает как бы переходное, промежуточное положение между «своими» и «чужими». Ввод в повествование осуществляется так же, как и для представителей «своего» для главного героя мира: *Валентина Долгунова, красивая девушка*. Однако далее именование *Валентина* остается стабильным, нединамичным и безликим, никак не меняется; так ее называют сам Сергей, «свои» и «чужие», дети и взрослые (Юрка, «дядя», Павел Барышев). Уехав на Кавказ с новым спутником жизни, Валентина бросает на произвол судьбы своего юного пасынка, по сути, предает его, переходя из близкого окружения в разряд «чужих». Двойственность образа можно охарактеризовать с помощью отрицания, как для персонажей данной сферы: это не-мать, которая так бы не поступила, но и не-

сестра для лже-дяди. Сущность героини автор повести оценивает словами Сергея, который понимал, что Валентина была отчасти виновата в его бедах:

«...Приходилась она мне не матерью и даже теперь не мачехой, но была она все же человек не злой, когда-то баловала меня и даже иногда покрывала мои озорные проделки, особенно когда я по-малкивал и не говорил отцу, кто ей без него звонил по телефону...» («Судьба барабанщика», т. 2, с. 298).

Особенности именований безымянных героев

Необходимо обратить внимание также на тот факт, что некоторые персонажи повести, в том числе играющие значимую роль в произведении, остаются безымянными.

Отец Сергея – лицо, остающееся за рамками сюжета и появляющееся только в прологе и эпилоге. Это обобщенный образ человека, которому сын хочет подражать, обозначаемый как *отец, папа*, но не идеальный герой.

Антагонист – «дядя». Обобщенный образ врага. В ходе развития сюжета меняется восприятие этого персонажа, отношение к нему Сергея – меняются конкретизаторы. При первом появлении «дяди» у главного героя возникает тревога (*вор*), далее: *жулик – мошенник – негодяй – бандит* – официально *шпион*.

Вор был в нашей квартире! («Судьба барабанщика», т. 2, с. 324)

А мой дядя и его знаменитый друг, как я тогда подумал, были, вероятно, отъявленные мошенники («Судьба барабанщика», т. 2, с. 324...)

Очевидно, это был бандит смелый и опасный («Судьба барабанщика», т. 2, с. 324...).

Безумная старуха – осколок прежней жизни – и ее сын. «Дядя» использует по отношению к ней псевдо-имена (*нежный*

цветочек и т.д.), в то время как Сережа видит ее истинную сущность: *злая, жестокая, воровка с замашками барыни*.

Итак, собственных имен не имеют герои, являющиеся абсолютным воплощением какой-то идеи. Это взрослые персонажи, по-разному влияющие на становление юного барабанщика Сергея, на выбор им правильного жизненного пути.

Напротив, некоторым эпизодическим или единично встречающимся в сюжете персонажам писатель дает имена с целью создания достоверности, фактографичности изображаемого. Однако эти имена могут быть вымышленными, как у приятелей Юрки Ковякина (об этом говорилось выше), или случайными, ничем не мотивированными, что подчеркивает сам автор:

Валентина вышла замуж за инструктора Осоавиахима, кажется, по фамилии Лобачов («Судьба барабанщика», т. 2, с. 297)...)

Выводы

Таким образом, проанализировав собственные имена и возможность их замен в повести «Судьба барабанщика», мы установили, что именование персонажей в «Судьбе барабанщика» связано с идеей их разделения на «своих» и «чужих» по отношению к главному герою: (1) для лиц из лагеря «чужих» характерны фальшивые лже-имена, несуществующие или псевдо-имена, за которыми они прячутся сами или дают другим; вводная формула для их называния – *n(a)N* или *не-n(a)N*; (2) динамика именований более присуща образам «своих» персонажей (*Слава – Славик*), поскольку автор показывает их в развитии с точки зрения отношения центрального героя; (3) возможны переходные типы между двумя этими группами (*Валентина*). Персонажи, аккумулирующие какую-то идею и

являющие собой соответствующий обобщенный образ, собственного имени в повести не имеют (лже-дядя – образ врага). Поскольку произведение А. Гайдара написано в сказовой манере и повествование ведется от лица главного героя – юного барабанщика Сергея Щербачова, в системе именований персонажей отра-

жаются особенности детской речи (*дядя Николай, Юрка* и т.п.). Данное исследование позволяет подчеркнуть необходимость углубленного исследования языка художественной прозы А.П. Гайдара и отдельных ее аспектов, подчеркивающих мастерство писателя.

Список литературы

1. Камов Б. Н. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 532 с.
2. Доронина Т.В. Аркадий Гайдар: личность и судьба // Литературные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.П. Гайдара (1904–1941): сборник материалов / сост. Е.М. Капустина. Курск: Курск. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Асеева, 2004. С. 9–13.
3. Арзамасцева И. Н. О Гайдаре, оставленном позади // Дет. лит-ра. 1997. № 1. С. 14–18.
4. Панфилов А. Какого цвета осколки «Голубой чашки»: мы совсем забыли, как и о чем писал Гайдар // Первое сент. 1999. С. 6.
5. Атрощенко А.Ф. Путь к свету: о языковой картине мира А.П. Гайдара // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сб. ст. Арзамас, 2011. С. 4–10.
6. Гаврий М.С. Наречия в художественном тексте как способ отображения внутреннего мира героя // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: сб. ст. Арзамас, 2001. С. 10–12.
7. Основина Г.А. Пронзительная сила слова... // Русский язык в школе. 2003. № 6. С. 57–60.
8. Харченко В.К. Слова «крепкий», «крепко» в художественных текстах А.П. Гайдара // Идеино-художественное наследие А.П. Гайдара и его место в советской литературе и в практике коммунистического воспитания молодежи: тезисы докл. Всесоюзн. научно-метод. конференции. Арзамас: Арзамасский гос. пед. ин-т, 1989. С.55–56.
9. Харченко В.К. Детский дискурс в художественной интерпретации А.П. Гайдара // Курское слово. 2013. №10. С. 24–31.
10. Каменецакая С.Б. Особенности поэтики А.Н. Гайдара // Литературные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения А.П. Гайдара (1904–1941): сборник материалов / сост. Е.М. Капустина. Курск: Курск. обл. научн. б-ка им. Н.Н. Асеева, 2004. С. 16–18.
11. Климас И.С., Кочергина И.В. К проблеме синонимии онимов (именования главного героя повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика») // Курское слово. 2021. № 24. С. 25–30.
12. Беспалова Е.А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом -прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29–46.
13. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. 256 с.

14. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

References

1. Kamov B. N. *Arkadij Gajdar. Mishen' dlya gazetnyh killerov* [Arkady Gaidar. A target for newspaper killers]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2011. 532 p.
2. Doronina T.V. [Arkady Gaidar: personality and destiny]. *Literaturnye chteniya, posvyashchennye 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Gajdara (1904–1941). Sbornik materialov* [Literary readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of A.P. Gaidar (1904-1941). Collection of materials]. Kursk, 2004, pp. 9–13 (In Russ.).
3. Arzamasceva I. N. O Gajdare, ostavlennom pozadi [About Gaidar, left behind]. *Det. lit-ra = Det. lit-ra*, 1997, no. 1, pp. 14–18.
4. Panfilov A. Kakogo cveta oskolki "Goluboj chashki": my sovsem zabyli, kak i o chem pisal Gajdar [What color are the fragments of the "Blue Cup": we completely forgot how and what Gaidar wrote about]. *Pervoe sent = First Sept*, 1999. P. 6.
5. Atroshchenko A.F. [The Way to the light: about the linguistic picture of the world of A.P. Gaidar]. *Arkadij Gajdar i krug detskogo i yunosheskogo chteniya* [Arkady Gaidar and the circle of children's and youth reading]. Arzamas, 2011, pp. 4–10 (In Russ.).
6. Gavrij M.S. [Adverbs in a literary text as a way of displaying the inner world of the hero]. *Arkadij Gajdar i krug detskogo i yunosheskogo chteniya. Sb. st.* [Arkady Gaidar and the circle of children's and youth reading. Collection]. Arzamas, 2001, pp. 10–12 (In Russ.).
7. Osnovina G.A. Pronzitel'naya sila slova... [The piercing power of the word ...]. *Russkij yazyk v shkole = Russian at school*, 2003, no. 6, pp. 57–60.
8. Harchenko V.K. [The words "strong", "strong" in the artistic texts of A.P. Gaidar]. *Idejno-hudozhestvennoe nasledie A.P. Gajdara i ego mesto v sovetskoj literature i v praktike kommunisticheskogo vospitaniya molodezhi* [The ideological and artistic heritage of A.P. Gaidar and his place in Soviet literature and in the practice of communist education of youth]. Arzamas, 1989, pp. 55–56 (In Russ.).
9. Harchenko V.K. Detskij diskurs v hudozhestvennoj interpretacii A.P. Gajdara [Children's discourse in the artistic interpretation of A.P. Gaidar]. *Kurskoe slovo = Kursk Word*, 2013, no. 10, pp. 24–31.
10. Kameneckaya S.B. [Features of A.N. Gaidar's poetics]. *Literaturnye chteniya, posvyashchennye 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.P. Gajdara (1904–1941). Sbornik materialov* [Literary readings dedicated to the 100th anniversary of the birth of A.P. Gaidar (1904-1941). Materials of the collection]. Kursk, 2004, pp. 16–18 (In Russ.).
11. Klimas I.S., Kochergina I.V. K probleme sinonimii onimov (imenovaniya glavnogo geroya povesti A.P. Gajdara "Sud'ba barabanshchika") [On the problem of synonymy of onyms (naming the main character of A.P. Gaidar's story "The Fate of the Drummer")]. *Kurskoe slovo = Kursk Word*, 2021, no. 24, pp. 25–30.
12. Bupalova E.A. Frazеologizmy mifologicheskogo proiskhozhdeniya s komponentom - precedentnym imenem: osobennosti stroeniya i upotrebleniya (na primere gazetnyh tekstov) [Phraseological units of mythological origin with a component - a precedent name: features of structure and use (on the example of newspaper texts)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2021, no. 69, pp. 29–46.

13. Superanskaya A.V. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanij* [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 256 p.
14. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 366 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Кочергина Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Irina V. Kochergina, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: irinkamarkova28011993@yandex.ru

Климас Ирина Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Курский государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: iklimas@mail.ru

Irina S. Klimas, Doctor of Sci. (Philological), Professor of the Russian Language Department of Kursk State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: iklimas@mail.ru

Михайлов Игорь Александрович, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация
e-mail: igor mikhajlov@mail.ru

Igor A. Mikhailov, Candidate of Sciences (Philological), Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: igor mikhajlov@mail.ru